

ПОСЛЕДНИЙ

«Андрей Капица», «Колумб XX века» – так называются вышедшие недавно в издательстве «Молодая гвардия» книги о без преувеличения великом путешественнике и первооткрывателе, который фактически продлил Эпоху великих географических открытий, – Андрее Петровиче Капице. Как получилось, что имя этого прекрасного учёного и землепроходца оказалось не замечено широкой общественностью и его заслонили имена не менее великих, но гораздо более известных и популярных отца и брата? Почему это является самой настоящей вопиющей несправедливостью, ведущему радиопрограммы «Клуб знаменитых путешественников» (совместный проект Русского географического общества и «Радио «Комсомольская правда») Евгению Сазонову рассказывают авторы книг: журналист Алексей Щербаков и учёный Михаил Слипечук.

Забятая география

– Поговорим о представителе славной семьи, сыне легендарного физика Петра Капицы и брате не менее легендарного просветителя телеведущего Сергея Капицы, профессоре, полярнике, путешественнике, географе Андрее Петровиче Капице. Он незаслуженно остался в тени своих великих родственников, а ведь он настоящий человек эпохи возрождения. Профессор, академик, путешественник, географ, эффективный менеджер, человек с потрясающим чувством юмора, полярник и прочее, прочее, прочее. Книгу о нём выпустили наши сегодняшние гости. Эта книга называется «Колумб XX века». Не слишком ли громкое название для этой книги?

Михаил Слипечук: Я думаю, что нет, поскольку Христофор Колумб открыл Америку и после этого началась Эпоха великих географических открытий. И казалось, что она уже закончилась, потому что вроде как уже всё на Земле, что можно было открыть, было открыто. Во всяком случае, на поверхности планеты. Но после четырёх экспедиций в Антарктиду Андрей Петрович Капица высказал предположение, что под льдом Южного континента находится резервуар с водой. И спустя 30 лет это было доказано и стало новейшим географическим открытием XX века. После него таких крупных географических открытий больше сделано не было. Поэтому Андрея Петровича Капицу можно смело назвать Колумбом XX века.

– Почему о нём так мало знают? Ведь это человек действительно удивительной судьбы. Несколько раз бывал в Антарктиде, открыл подлёдное озеро Восток. Даже скорее предсказал его открытие. Потом много лет преподавал на факультете географии МГУ. Выпустил огромное количество специалистов, имена которых гремят. Почему имя этого Колумба XX века незаслуженно забыто?

М. С.: Я думаю, что здесь причина, скорее, в отношении общества к географии вообще. Какое-то время назад география даже не была обязательной для сдачи экзаменов при поступлении в вуз. В советское время, я помню, географию сдавали не только при поступлении на географический факультет, что естественно. Её сдавали при поступлении в МГИМО, географию обязательно сдавали все экономические факультеты. География была крайне необходима с точки зрения воспитания и обучения студентов, расширения их кругозора. Тем более для нашей страны, которая занимала одну шестую часть суши. Чтобы знать свою страну, надо знать географию. Это же не только физическое описание природных объектов. Есть и экономическая география, и социальная геогра-

фия. Казалось бы, это описательная наука, а на деле – высокоточная. Океанология – это тоже география. Или метеорология, сводки которой мы каждый день смотрим по телевизору. В ней присутствует физика. С возрождением Русского географического общества, которое существует с 1845 года и раньше называлось

Российским императорским географическим обществом под покровительством самого императора, прививается новое отношение к географии. Сейчас председателем попечительского совета является Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин, а президентом общества является Министр обороны Российской Федерации Сергей Кужугетович Шойгу. Самое время для того, чтобы великие географы опять входили в историю. Не просто так это совпало с тем, что вышла книга об Андрее Петровиче Капице, величайшем географе современности. Этим географов много, в нашем узком географическом кругу мы их знаем. Но для широкой общественности они не известны. Их надо популяризировать. Потому что помимо таких великих географических открытий, как открытие озера Восток, существует масса, может быть, не таких громких, но очень важных для экономики и политики в том числе открытий.

«Харьковчанка»

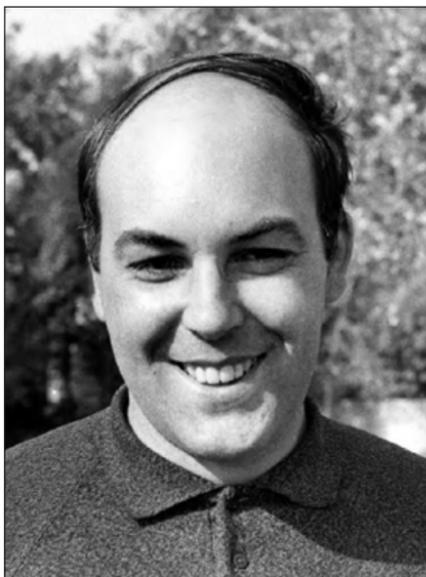
– Сколько заняла работа над книгой?

Алексей Щербаков: Идея родилась у Михаила Викторовича лет 10 тому назад.

М. С.: Идея родилась сразу после смерти Андрея Петровича Капицы. Он умер в 2011 году. А всерьёз мы к ней приступили, наверное, году в 2013-м.

А. Щ.: Самый важным этапом было опросить людей, которые ещё помнили Андрея Петровича, работали вместе с ним в Антарктиде, на Дальнем Востоке, на факультете. Ему было уже далеко за 90, и сейчас уже многих нет. Сначала мы хотели сделать десять интервью, на их основе написать книгу. Потом решили взять двадцать. А в итоге их оказалось сорок.

М. С.: Книга построена на рассказах тех людей, которые лично знали Андрея Петровича, это очень важно.

Андрей Петрович Капица - молодой учёный с большим будущим

А. Щ.: Мы ничего не дописывали, ничего не обобщали, ничего сами не сочиняли. Мы в книге изложили то, что было. Мы нашли письма, которые с Дальнего Востока писала жена Андрея Петровича его маме, Анне Алексеевне, письма бабушек маленькому Андрею. То есть всё построено на документальных материалах.

– Насколько сложно было договориться, встретиться, поговорить с 40 персоналиями?

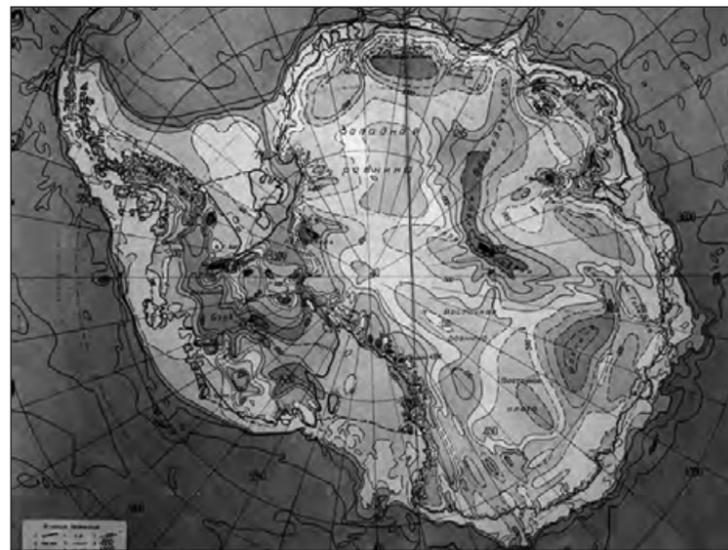
А. Щ.: Сложно, потому что их надо было ещё разыскать. И в этом очень помогла Татьяна Юрьевна Симонова, сотрудница нашего факультета с кафедры геоморфологии, её отец был близок с Андреем Петровичем, являлся одним из ведущих геоморфологов страны, и все эти люди были его друзьями. Мы ездили по Москве, по разным отдалённым регионам. Например, ездили даже на границу с Латвией, в одну забытую Богом деревушку. И спрашивали, спрашивали, спрашивали.

– Большие были интервью?

А. Щ.: Мой рекорд – 39 часов. Сейчас цифровой диктофон позволяет творить чудеса. Раньше кассета кончалась, и всё – до свидания. Это счастье, что удалось опросить этих людей. Потому что после коронавирусной эпидемии уже многих нет. Из 40 осталось, наверное, где-то человек 15. Эту книжку написали буквально на излёте. На эти интервью ушло, наверное, года четыре.

– Какой период жизни Андрея Петровича охватывает книга?

А. Щ.: От самого начала, от Петра Леонидовича, отца Ан-

Первая в мире карта подлёдного рельефа Антарктиды из докторской диссертации А. П. Капицы, за которую он впоследствии получил Государственную премию СССР

дрея Петровича. Андрей Петрович очень многое унаследовал от отца. Его быстрый ум, сообразительность, рукастость – он мог смастерить любой лабораторный прибор. Точил на токарном и фрезерном станках. Очень любил автомобили, особенно полноприводные машины. Они с Юрием Гавриловичем Симоновым придумали вездеход «Харьковчанка», на котором изъездили пол-Антарктиды в экспедициях 50–60-х годов прошлого века. Сидели два друга в арбатской квартире и думали, как проникнуть в центр Антарктиды.

– А я думал, это военная разработка.

А. Щ.: Да нет, им просто пришлось в голову сделать передвижную капицынскую квартиру. Чтобы были и мотор, и кухня, и радиостанция, и спальня, только всё это на гусеницах. Взяти большой артиллерийский тягач, добавили ему две оси, соответственно, 4 катка сделали. Сделали эту машину на харьковском заводе. И потом ее везли до Клайпеды. Своим ходом она идти не могла, потому что ресурс всего полторы тысячи километров. Их, все три «Харьковчанки», везли на больших трейлерах в милицейском сопровождении. Предварительно нашли дедушку, который строил все мосты в СССР. Он уже был на пенсии, но его где-то разыскали. И этот дедушка провёл этот караван по территории страны, лично указывая, по каким мостам можно провезти такой груз. Приключений было много. В одном латышском городе потребовалось снять трамвайную линию. Хотели всё сделать за ночь, но в итоге колонна тянулась сутки. Там, наверное, до сих пор их вспоминают и проклинаяют.

– В этой книге много таких историй, которые обычно остаются за кадром?

А. Щ.: Да, там и смешные ситуации, и анекдоты.

– Он был очень серьёзным человеком, большим учёным. Но часто именно такие серьёзные люди об-

ладают поразительным чувством юмора.

А. Щ.: Например, Пётр Леонидович Капица, нобелевский лауреат, не терпел людей без чувства юмора. Он говорил, что англичане работают весело, надо работать, как англичане. А мы работаем мрачно.

– Меня когда-то поразила его фраза: «Наука – это весело».

А. Щ.: Первоначально я придумал название книги «Последний Колумб». Это звучит героически, эпически и очень одиноко. Андрей Петрович родился не в простой семье, он с детства вращался в этом международном братстве учёных. Они ведь все крутились и варились в одном котле – физики, математики, географы. И не только в стране. Прочитав книжку, вы удивитесь, как даже в сталинское время, когда все границы были закрыты, мировые учёные прекрасно ездили друг к другу в гости. Там есть история, как нобелевский лауреат Поль Дирак, родоначальник квантовой механики, приехал поздно и в Москве переночевал просто в парке на скамейке, потому что стеснялся побеспокоить своих московских друзей. Но потом он забрёл на государственную дачу, и его забрали в милицию. Такие вот обычные, на первый взгляд, люди и делают мировую науку. И Андрей Петрович – он оттуда, из этого мира. И всё, что он делал, он хотел сделать в общемировом масштабе, понимаете? Потому он и Колумб. У него работали специалисты самых разных областей. У него всё решалось комплексно. Сначала он работал у Николая Ивановича Маккавеева. Основоположника отечественной речной гидротехники. Они построили под Можайском макет реки. Это были 1950-е годы, как раз пик строительства наших гидроэлектростанций. И надо было ответить на вопрос, как ведут себя водохранилища. Насколько это устойчивая система. Не подмоет ли река плотину и т.п. Выяснилось, что водохранилища – очень хрупкие образования, что они после постройки сразу заиливаются, и заиливают не только водохранилище, а вся река может до верховий заилиться. Андрей Петрович участвовал в этих работах сразу, как стал аспирантом. И он видел, что в этих работах участвуют и гидрофизики, и гидрохимики, и инженеры, и географы. Этот комплексный подход

КОЛУМБ?

В студии радио КП автор и ведущий программы «Клуб знаменитых путешественников» Евгений Сазонов (слева), соавторы книг об Андрее Капице Алексей Щербаков (в центре) и Михаил Слипечук

он усвоил. И когда поехал в Антарктиду, привлёк к работе специалистов самых разных областей.

Мир без границ

— Михаил, вы были вхожи в семью Капицы насколько я знаю? Каким был человеком Андрей Петрович, когда снимал костюм профессора?

М. С.: Надо понимать, что я всё-таки мальчик из провинции, и он сразу взял надо мной шефство с первого курса. Каждые выходные приглашал к себе домой. Евгения Александровна, его супруга, готовила обед, мы обедали и разговаривали на очень большие, значимые для меня темы. Андрей Петрович был очень передовым человеком. У него всегда в гостях бывали интересные люди. Не только учёные, но и художники и поэты. В Академии наук он отвечал за международные выставки, возил по миру мамонтёнка Диму и так далее. Первый компьютер я увидел у него, первый телевизор иностранного производства, первый видеомэгафон. Во время обеда мы с ним беседовали, он каждый раз давал мне новую книгу, и потом мы обсуждали эти книги.

— Научные книги?

М. С.: Есть научные книги, которые пишутся сухим научным языком, а есть книги о науке, которые пишутся языком понятным.

— Например, «Колумб XX века».

М. С.: Точно. Андрей Петрович был участником не только антарктических экспедиций, но и руководил экспедицией в Центральную Африку, в Великий рифтовый разлом. Я с 5-го класса мечтал о путешествиях, но оформились они именно после встреч с Андреем Петровичем. И мне удалось побывать везде, где он бывал. Несколько экспедиций я тоже организовал. Например, экспедиции с 2008 по 2010 год, когда глубоководные обитаемые аппараты «Мир-1» и «Мир-2» погружались на дно озера Байкал. Путин тогда был премьер-министром и тоже погружался. Первый полёт на Северный полюс на воздушном шаре «Святая Русь» в 2005 году, посвящённый 60-летию Великой Победы и 250-летию МГУ им. М.В. Ломоносова. Побывал на Южном полюсе, в Антаркти-

де на станции «Восток». Всё благодаря рассказам Андрея Петровича. Он открыл мне глаза на мир без границ.

— Андрей Петрович — это тип настоящего классического учёного, который имеет понимание не только в своей узкой сфере, но и в смежных науках, и в культуре.

М. С.: После антарктических экспедиций он в 32 года стал деканом географического факультета МГУ. Один из самых молодых деканов. Через пять лет его направили на Дальний Восток создавать Дальневосточный научный центр. После возвращения из Владивостока он возглавил кафедру. И был одновременно членом-корреспондентом Академии наук СССР, возглавляя выставочную деятельность. Он работал на стыке наук. Кафедра, которую он возглавлял, называлась кафедрой общей физической географии и палеогеографии. Описательная наука плюс наука о прошлом, которая даёт представление о будущем. Принял он её у известного академика Константина Константиновича Маркова. Идея была Маркова. А реализации Капицы. Кафедра была преобразована в новое для того времени направление — кафедру рационального природопользования. По сути, это была первая экологическая кафедра Советского Союза. И мне посчастливилось быть в первом выпуске этой кафедры.

— Из ваших рассказов может создаться впечатление, что жизнь Андрея Петровича была безоблачной. Захотел, поехал в Антарктиду, захотел, создал кафедру. У него не было ни врагов, ни завистников?

М. С.: Наука — это всегда соревнование. Так что недоброжелатели, наверняка, имелись. И вы так говорите про экспедицию в Антарктиду, будто это поездка на рыбалку на ближайшую речку. Это было очень трудно и опасно. Однажды — это есть в книге — ему кувалдой выбили 16 зубов.

— Ого! Кто и за что?

А. Щ.: Когда возник вопрос, что надо добраться до самых глубинных районов Антарктиды, то на гусеницы «Харьковчанки» поставили уширители. Это такие костыли, которые делали гусеницы шире, снижая давление на снег. Время от времени они вылетали. Всю дорогу приходилось

эти стержни кувалдой вбивать обратно. Ну и как-то раз кувалда пошла не туда и выбила ему зубы. Но врач экспедиции оказался бывшим зубным врачом. Он промыл Андрею Петровичу рот спиртом и вставил зубы обратно. И удивительно, но почти все они прижились — в Антарктиде же нет никаких бактерий, не выживают на морозе.

М. С.: В экспедициях часто не хватало разных специальностей. И Андрей Петрович осваивал их. Например, однажды не хватало радиста, и он освоил радиодело и полетел в экспедицию на ставке радиста. Он мне даже удостоверение почётного работника «Аэрофлота» показывал — и такое у него было.

А. Щ.: Всё это в книге есть. Наши пилоты «Аэрофлота» общались с землёй на русском. А нужно было лететь через Юго-Восточную Азию в Австралию. Требовался английский язык для общения с диспетчерами. Пилот запаниковал, мол, я же ни бум-бум в английском. Вместо него с диспетчерами общался Андрей Петрович, выучив нужные термины буквально за ночь. У него был очень быстрый ум. Он и в школе так экзамены сдавал, прочитав учебник за ночь перед сдачей.

Лицом на Восток

А. Щ.: Андрей Петрович был настоящим первооткрывателем масштаба Христофора Колумба. Он первым нарисовал карту рельефа Антарктиды. Представляет — рельеф целого континента! На Земле открытий такого масштаба больше не будет! Андрей Петрович занимался сейсмозондированием. Они взрывали заряды в шурфах и замеряли скорость прохождения отражённой волны. Ещё в 1958 году в своей диссертации он написал, что под центральными районами Антарктиды стопроцентно находится вода. И что, поскольку скорость прохождения сейсмической волны в воде в два раза меньше, чем во льду, то она никогда от воды не вернётся к датчикам, поэтому нужны новые методы зондирования, которых тогда не было. Уровень тогдашних приборов был чрезвычайно низким. Скажем, локализатор показывал, что их самолёт на-

ходится на высоте 74 метра. А он в это время стоял на льду. Когда он пришёл на факультет, там стали основываться проблемные лаборатории, в которых не отдельные географы сидели, каждый со своей темой, а изучались целые проблемы — речные системы, ледники и сели в горах и т.п. На факультет была привезена электронно-вычислительная машина «Мир-1». Это выдающийся случай. Математики пользовались единым компьютером, а на геофаке была своя ЭВМ, которая занимала две комнаты.

— Как ему удалось пробить такое? У него был режим наибольшего благоприятствования?

А. Щ.: Вообще нет. Когда он стал деканом, он вступил в противоречие с парткомом МГУ. В то вре-

мя там был такой представитель парткома Ягодкин, который возвращал университет в 30-е годы. Он считал, что студенты должны быть только из рабочего класса, что надо уменьшить процент интеллигенции, что везде надо гайки завернуть, все научные исследования направить в правильное русло. А Андрей Петрович со своим другом Юрием Гавриловичем Симоновым, который был председателем группы народного контроля, выступали на всех партсобораниях, говоря, что Ягодкин тащит нас в прошлое. Каждому из них потом позвонили и спросили — вы не хотите быть членом-корреспондентом Академии наук? То есть их хотели выгнать из университета.

— А в чём выгнание?

А. Щ.: Надо было ехать на Дальний Восток, основать там Институт географии и Дальневосточный научный центр. Симонов не мог бросить Москву, а вот Андрей Петрович поехал на Дальний Восток, получил звание члена-корреспондента. Он там организовал восемь научных институтов, стянул туда лучшие научные силы. У него уже тогда были мысли, что весь Дальний Восток должен строиться на основе тотальной компьютеризации. Он пригласил в Дальневосточный научный центр лучших переводчиков, чтобы любая научная — американская, английская, французская информация быстро доходила до учёных Дальнего Востока. В конце концов, он Дальневосточный научный центр развернул в сторону Азии. То есть сделал то, до чего мы только сейчас доросли. Он налаживал связи с Японией, с Америкой через Тихий океан. Он купил научно-исследовательские суда, которые пошли в рейсы по Тихому океану. Но и там не обошлось без конфликтов. Он вступил в конфликт с так называемыми «золотыми академиками» — «генералами» Дальстроя, которые там мыли золото. Они считали, что раз стране нужно золото, то весь Дальний Восток должен работать на рассыпные институты и всё. И поэтому ему там, конечно, вредили, подмечали всякие недостатки. Им не нравилось, что географы бунтуют. Всё упиралось в то, что во Владивостоке очень маленький полевой сезон. Сначала холода с ветром, потом дожди

страшные. Окошко, когда можно выйти в рейс, очень маленькое. А всех забирали на картошку. Я даже помню, как мы приезжали во Владивосток, а судно стоит — вся команда на картошке. Возвращается через три недели команда, а на картошку теперь отправляют институт. Географы бунтовали, воевали с парткомом. А партком в отместку обрезал сотрудникам жильё. В общем, вредили как могли.

— По этой причине Андрей Петрович вернулся в Москву по состоянию здоровья?

А. Щ.: Всё кончилось взрывом в Институте биоорганической химии. Там в 1977 году был страшный пожар. Это тоже описано в книге. Лаборант нарушил правила техники безопасности. Эфир, который используется при исследованиях, очень горючее вещество. Он должен храниться в подвале, из бутылей надо наливать его маленькими порциями и носить по лабораториям наверх. А он приволок целую бутылку, и она разбилась. А это же как противотанковый «коктейль Молотова». И всё вспыхнуло. А институт большой, там, потолки по 4 метра, люди, спасаясь от огня, бросались вниз, разбивались. Ну и после этого у него случился инфаркт, потом сразу инсульт.

— Он решил, что это его вина?

А. Щ.: Конечно, он это всё переживал. И после этого вернулся в Москву. И тут же опять начал заниматься инновационными делами. Космическими снимками для оценки урожайности сельскохозяйственных земель.

— А как её оценить?

А. Щ.: Вредители тогда съедали иногда до 90% урожая зерна. Мыши живут по норкам, в каждой норе по 10 мышей. Вычислялся радиус, в котором семья мышей срезает колоски и утаскивает в нору, причём с учётом того времени, чтобы не попасться на глаза ястребу. Пешие группы ходили, считали норки, проводилась аэрофотосъёмка, привлекались спутники. С каждой высоты видно свою часть необходимой информации. Всё это изучалось на высочайшем уровне, курировали это всё генералы из военных институтов. Зерна же нам тогда вечно не хватало, оно было стратегическим ресурсом. Исходя из такого мониторинга поверхности Земли Андрей Петрович пришёл к выводу, что надо в целом оценивать природные ресурсы, которые поддерживают жизнь человека. То самое рациональное природопользование.

— Чем оно отличается от экологии?

А. Щ.: Оно исходит из концепции, что уже не осталось ни одного уголка на Земном шаре, не затронутого деятельностью человека. Поэтому кафедра РПП — это не природа с берданкой охранять. А это наука поддержания ресурсов, необходимых, чтобы человечество выжило. И этим кафедра рационального природопользования сильно отличается от всех кафедр и факультетов университета.

— По вашему мнению, Андрей Петрович верил в людей, в то, что человечество рано или поздно станет разумным?

М. С.: По отношению к людям он был очень добрым человеком. И очень справедливым. А также очень контактным. Он одинаково легко мог говорить и с академиками, и со студентами, и лифтьерами или таксистами — одинаково дружелюбно и интеллигентно.